

Я.С. Смирнова

ТРУДОВЫЕ РОЛИ И СТАТУСЫ ЖЕНЩИНЫ В ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ НАРОДОВ КАВКАЗА

В природном, хозяйственном, социальном и этнокультурном отношениях Кавказ, как известно, не единообразен. Соответственно не единообразны роли и статусы женщины у его многочисленных народов. Но есть в них немало и общих черт. Именно на них мы постараемся обратить внимание в предлагаемой статье, лишь в наиболее существенных случаях проводя необходимую дифференциацию.

Даже до советского времени в крестьянских обществах народов Кавказа сохранялось жесткое межполовое разделение труда. Степень его соблюдения, большая или меньшая жесткость зависели от местных природных и хозяйственных условий, от количества рабочих рук в семейном коллективе. Суть полового разделения труда заключалась в оптимальном распределении трудовых обязанностей, сложившемся в той или иной этнической общности. Так, у равнинных азербайджанцев, грузин, дагестанцев, основной массы адыгов и ряда других народов мужчины пахали, бороновали, сеяли, жали, а часто и веяли зерновые, женщины же чаще всего только просеивали зерно, сушили его и мололи. Мужчины косили и скирдовали сено, предоставляя женщинам его сгребать. Мужчины же выпасали скот, стригли овец, а на отгонных пастбищах нередко также заготавливали впрок молочные продукты. Они заботились о топливе. Женщины выполняли большую часть земледельческих работ в огородах, садах или на близлежащих полях. Они же ухаживали за скотом, содержащемся на усадьбе, выполняли всевозможные работы по дому. Домашние промыслы тоже делились на мужские (обработка железа, камня и дерева, изготовление и починка утвари) и женские (обработка шерсти, плетение циновок, шитье одежды и т.д.).

Мужские работы считались более важными и престижными, чем женские. О мужчине, который не брезговал заняться женской работой, повсюду отзывались пренебрежительно.

Особенно строгим было разделение труда в больших семьях, где хватало рабочих рук. В малых семьях при недостатке работников традиции соблюдались менее строго.

В горных областях из-за нехватки земли, а местами из-за участия в отгонном скотоводстве также и женщин распределение хозяйственных ролей было менее отчетливым. У горных грузин и азербайджанцев, в Нагорном Дагестане, у центральнокавказских тюрков (особенно карачаевцев), у части западных адыгов женщины шире привлекались к второстепенным сельскохозяйственным работам, а то и вели целые их отрасли. У тушин, пшавов, мтиулов, мохевцев мужчины занимались скотоводством, женщины – земледелием. У сванов и хевсуров мужчины пахали и сеяли, другие же земледельческие работы приходились на долю женщин. У тех же хевсуров, пшавов и рачинцев женщины выполняли значительную часть скотоводческих работ. У чеченцев и ингушей в прополке, жатве и обмолоте зерновых были заняты оба пола. У карачаевцев и балкарцев пахота и посев лежали на мужчинах, уход за полями и уборка урожая – на женщинах. У балкарцев ирригационные работы были совместными. В Нагорном Дагестане женщины вывозили на поля навоз, жали хлеба, косили сено, активно участвовали в молотье. Женщины же заготавливали кизяк и доставляли из леса дрова. Существовали, помимо того, различия между семьями, занимавшимися преимущественно земледелием, и теми, в хозяйстве которых преобладало скотоводство. В первых труд женщин ограничивался главным образом работой по дому, во вторых – широко привлекался в сельскохозяйственных работах за пределами усадьбы¹.

Однако как бы ни обстояло дело на равнине и в горах, в семьях больших и малых, преимущественно земледельческих и преимущественно скотоводческих, даже если женщина и вносила существенный вклад в общественное производство, безраздельно господствовало представление, что она лишь помогает основным работникам—мужчинам. В соответствии с этим мужчина рассматривался как кормилец и хозяин-иждивитель (согласно терминологии Ю.И. Семенова), женщина — как иждивенка. Это обстоятельство хорошо показано на общезнтологическом материале, относящемся ко всем эпохам от поздней первобытности до раннего капитализма².

Мы уже отчасти касались трудовых ролей женщины в домашнем быту, но они не исчерпывались сказанным. У женщин были и другие обязанности; и само их распределение в женской среде имеет существенное значение.

Помимо разных хозяйственных работ в доме и на усадьбе, на женщинах лежали уход за маленькими детьми и воспитание подросших девочек, забота о мужчинах, помощь больным и одряхлевшим членам семьи, обслуживание гостей.

Уход за маленьким ребенком у народов Северного Кавказа и тех народов Закавказья, которые еще сохраняли обычаи избегания, имел свои особенности. В соответствии с этими обычаями поначалу молодая мать в присутствии старших вообще не должна была подходить к ребенку. О нем заботилась свекровь, которой помогали дочери и другие невестки. Только через какое-то время она просила мать больше не стесняться ее и самой ухаживать за ребенком. Что касается помощи больным и одряхлевшим, то здесь, по-видимому, также играли свою роль обычаи избегания. Этим занимались девушки, с появлением же в доме невестки заботы переходили к ней не сразу, а лишь спустя положенное время.

Мужчин, в особенности старших, также обслуживали девушки, а со снятием ограничений, связанных с избеганием, и молодые невестки. Они помогали мужчинам мыть руки и ноги, обслуживали их за столом, стелили и поправляли постель, помогали раздеваться при отходе ко сну и т.п. Так демонстрировалось внимание и уважение по отношению к даже нестарым и бодрым людям. Отчасти это было сродни обслуживанию гостей, хотя из-за более или менее выраженной сегрегации полов участие женщин в приеме гостей было ограниченным.

Гостеприимство у народов Кавказа, особенно в их высших слоях, не было эпизодическим. Во многих семьях гостили часто, а если селение было административным центром, то чуть ли не постоянно. Вообще прием гостей считался делом мужчин, и женщины играли в нем как бы вспомогательную роль: готовили пищу, помогали при омовении рук или при отходе ко сну. Появляться в помещении для гостей — кунацкой у большинства народов региона девушкам и особенно женщинам не полагалось. Только во второй половине XIX в. молодые женщины наряду с младшими мужчинами стали прислуживать гостям за столом. Кое-где бывало, что старшая в семье женщина помогала мыть руки особо почетным гостям, но чаще она только входила в кунацкую, чтобы поприветствовать их за столом и произнести здравицу³.

В домашнем быту наряду с межполовым существовало и межвозрастное разделение ролей, более всего заметное в больших семьях. Самой ответственной женской работой считалась выпечка хлеба, и ею почти всегда занималась или руководила старшая женщина⁴. Другие многочисленные женские работы ложились на плечи невесток в соответствии с их возрастом, способностями и физическими возможностями. В то время как по общекавказской традиции женщины работали, девушки, даже взрослые, в основном только усваивали хозяйственные навыки, чтобы применить их по выходе замуж. Они помогали женщинам в домашних, а подчас и в полевых страдных работах, но больше всего занимались уборкой комнат, приготовлением своего приданого и различными рукоделиями. Немало, впрочем, зависело от благосостояния семьи. Скажем, у ногайцев девушки «выполняли несложные поручения старших», а в семьях побогаче «проводили время за рукоделием, вышиванием золотой и серебряной канителью, разноцветными нитками всевозможных кисетов, сумок, тубетеек, башлыков, обуви и т.д.»⁵. Только в малых семьях из-за нехватки рабочих рук трудовые роли

старших и младших женщин, женщин и девушек совпадали. Здесь подросткам дочерям приходилось помогать матери во всем, совмещая обычные женские работы со специфическими занятиями девушек.

Особо надо сказать о ролях женщин в общественной жизни. Здесь эти роли были еще более скромными, чем в общественном производстве и домашнем быту.

Как правило, женщины не появлялись на народных собраниях, хотя у некоторых народов региона допускалось, чтобы при обсуждении определенного рода дел (о нарушении правил вступления в брак, прелюбодеянии, кровомщении и др.) присутствовали женщины. Считалось, что женщине даже не очень прилично интересоваться тем, что обсуждают на своих собраниях мужчины. В адыгском нартском эпосе, в сказании о бое Сосруко с Тотрешем, герой на вопрос своей матери Сатаней: «какие новости на хасе нарттов?» отвечает:

Женщина о хасе не спрашивает,
К женщине за советом не идут,
Кто идет – тот не мужчина⁶.

Правда, в другом нартском сказании фигурирует старуха Уорсар, «старейшая и мудрейшая» в селении, которую приглашали на хасу в качестве советчицы⁷. Очевидно, что это, как и многое в нартском эпосе, отражает смешение исторических пластов, но у нас речь идет не о допатриархальном, а о патриархальном общественном быте. Мнение, что женщине неуместно появляться на сельском сходе, засвидетельствовано рядом бытописателей народов Кавказа в XIX в., а также и позднейшими исследователями. «На осетинских *нихасах* собираются все мужчины и обсуждают общественные дела», – писал в середине прошлого века В. Пфаф. У армян женщины вообще не имели права участвовать в сельских сходах, в Нагорном Дагестане они, как и дети до 15 лет, на *руккел* не допускались, так же обстояло дело у абхазов⁸ и т.д.

Даже право выступать в суде в качестве истицы или ответчицы, свидетельницы или соприсяжницы было у женщин далеко не полным. У одних народов в суде вместо женщины выступал ее муж, отец, брат или другой родственник, у других такая замена считалась не обязательной, но желательной. Бывало и так, что свидетельские показания женщин принимались во внимание, но свидетельства двух женщин приравнивались к свидетельству одного мужчины или же учитывались только при наличии также и мужских свидетельств⁹.

Не участвовала женщина и в отправлении древних общественных молений, общинных или фамильно-патронимических. В частности, у абхазов она не допускалась на общесельские моления божеству грома и молнии Афы и покровителю скота Хохою, не участвовала в культовых действиях фамилии мужа. В то же время существовали специфические женские культы, как, например, культ Дзызлан-Дзахкуаде – Матери вод, управлявшиеся самими женщинами¹⁰. В официальной религиозной жизни абхазские женщины (как и у других народов) всегда участвовали, но никогда ими не руководили.

У некоторых народов региона сохранились воспоминания о женщинах-воительницах. В условиях постоянных междоусобиц и грабительских набегов не только мальчиков, но и девочек-подростков нередко обучали верховой езде и владению оружием. В этнографически обозримое время это, по-видимому, более всего было принято у абхазов. Старики-информаторы еще лет пятьдесят назад помнили и называли нам девушек, известных своими военными подвигами. В середине прошлого века некая Зуху, не желая предоставить феодальному владельцу право первой ночи, бежала в леса и возглавила набеги на соседние народы. Другая девушка – Алмас Куджба руководила одним из выступлений крестьян против владетельного князя Абхазии. Имеется свидетельство русского офицера о захвате царскими войсками общества Аибго: в первых рядах сражавшихся крестьян находились две девушки-абхазки. Есть

сведения о том, что в более ранние времена нечто подобное бывало и у других народов Кавказа, в частности, у адыгов¹¹. Однако можно ли видеть во всем этом свидетельства широкого участия женщин в военной жизни кавказских горцев? На наш взгляд, немногим больше, чем в подвиге Жанны д'Арк во Франции или в истории ординарца Кутузова «кавалерист-девицы» Надежды Дуровой в России.

Кавказские женщины в семье рассматривались как иждивенки, в обществе не играли активных ролей, соответственно не могли обладать (в массе своей) и сколь угодно высокими семейными и общественными статусами.

Неравенство в статусе полов давало себя знать уже при появлении на свет ребенка. Рождение мальчика, особенно первенца, встречали намного радостнее, чем рождение девочки. Ведь старший сын был продолжателем рода, будущим хозяином и опорой родителей в старости, а дочь – только временным членом семьи, как бы гостьей в доме. В первом случае того, кто принес радостную весть, отец щедро одаривал, во втором – мог ограничиться небольшим подарком. Рождение сына посылно праздновалось, рождение дочери отмечалось несравненно скромнее или же совсем не отмечалось. Имеются сообщения о том, что в малообеспеченных семьях южных осетин бывали случаи женского инфантицида (умерщвление девочек). Уходу за девочкой также уделялось меньше внимания, чем уходу за мальчиком¹².

Много обычаев, свидетельствующих о неравенстве статусов полов, сопровождало вступление в брак. При брачном сговоре родители могли в какой-то степени учесть желание юноши и лишь в совсем редких случаях – желание девушки. Хотя и у христиан, и у мусульман при оформлении брака требовалось согласие обоих брачащихся, в отношении невесты это требование зачастую было чисто символическим. Показателен случай, когда у кумыков женщина, выданная замуж насильно, подала в суд. После разбора дела в нескольких инстанциях последовало определение: «Отец вправе распорядиться дочерью, несмотря на ее сопротивление»¹³. Нередко судьба девушки решалась в зависимости от размеров брачного выкупа: как сообщал один из авторов конца XIX в., у армян «... крестьянин продает свою дочь в полном смысле этого слова, продает так, как свою лошадь, вола. то есть отдает тому, кто больше денег даст за нее»¹⁴. Не в меньшей, если не в большей степени статус женщины характеризовался практикой насильственного похищения невесты, распространенной у большинства народов Кавказа. У одних из них оно встречалось нечасто, у других (осетин, хевсуров, тушин и особенно у сванов) было обычным делом. Даже такой доступный для девушек способ избежать нежелательного брака, как похищение с их согласия, но без ведома их родни, запрещался адатами и карался специальными постановлениями сельских обществ (например, у адыгов)¹⁵. Наконец, и полигиния (чаще всего в Азербайджане и Равнинном Дагестане, но не только там) или шиитские так называемые временные браки красноречиво говорят о традиционном положении женщины.

Получить развод (хотя в традиционном быту он совершался сравнительно редко, так как осуждался родней и соседями) для женщины было намного труднее, чем для мужчины. И по обычному праву, и по продолжавшим действовать средневековым судебникам Вахтанга VI и Мхитара Гоша, и по шариату муж мог временно или навсегда «отпустить» жену, бракоразводной же инициативе жены ставились всяческие препоны. У некоторых народов, как, например, у ингушей в их старинном быту, развод по инициативе женщины был вообще невозможен¹⁶.

Для семейных статусов женщин очень показательны имущественные отношения в семье. Они регулировались действовавшими системами права, что, впрочем, не всегда совпадало с реальным положением дел.

И христиане, и мусульмане руководствовались прежде всего местным обычным правом. У грузин и армян действовали также судебники Вахтанга VI и Мхитара Гоша, испытавшие сильное влияние средневекового византийского права и признававшиеся законами Российской империи. У мусульман имущественные и семейные отношения регулировались также и шариатом, в этой своей части опять-таки признаваемым

имперскими законами. Наконец, после полного вхождения региона в состав России на Кавказе постепенно стали распространяться и сами российские законы. Соотношение правовых систем (и судебной практики) было неодинаковым у разных народов и групп населения. Например, горожане больше тяготели к судебникам или к шариату, а сельские жители – к обычному праву, так как большинство населения было еще плохо подготовлено к восприятию более развитых, чем адаты, правовых норм. Здесь нам придется, не входя во многие детали, ограничиться изложением важнейшего.

Согласно всем видам обычного права различались общесемейное имущество и личное имущество членов семьи. Общесемейными считались земля, основное поголовье скота, сельскохозяйственные орудия, жилые и хозяйственные постройки, съестные припасы и т.п. Это имущество, получаемое по наследству, умножалось трудом всех мужчин и женщин семьи. Включалось сюда и то, что было приобретено за счет доходов отдельных членов семьи, например, от продажи женских изделий или от заработков мужчин-отходников. Общесемейное имущество считалось коллективной собственностью, но, как правило, распоряжались им мужчины, а конкретнее, старший из них – глава семьи.

Личным имуществом были прежде всего предметы индивидуального пользования: одежда, у мужчин – оружие, у женщин – украшения, у всех нередко – несколько голов подаренного им скота. Но у женщин, помимо того, имелась и более весомая личная собственность – их приданое, а у мусульман (подчас и христиан, например, в Осетии) – также оговоренная в брачном контракте часть выкупа, считавшаяся обеспечением жены на случай вдовства или развода по инициативе мужа.

Приданое состояло из одежды, предметов убранства жилых комнат молодоженов и, что важнее всего – из скота или денег, иногда участка земли. Все это выделялось из общесемейного имущества родительского дома невесты, причем значительную долю вносила сюда своим трудом она сама, а также ее мать и другие женщины семьи. В приданом различались собственно приданое и так называемые сверхприданные вещи – подарки невесте от ее родни, жениха и его родни, свадебных гостей. Состав брачного выкупа был приблизительно таким же: одежда, предметы домашнего обихода, скот или его денежный эквивалент, реже – земельный участок (преимущественно в Нагорном Дагестане и Верхней Аджарии). У разных народов и в разное время выкуп имел свои вариации. Так, в Азербайджане и в Аджарии было принято выплачивать его деньгами, у адыгов и ингушей – скотом, в Нагорном Дагестане – движимым и недвижимым имуществом, в Равнинном Дагестане – чаще его денежным эквивалентом. В целом наблюдалось постепенное замещение вещного выкупа денежным¹⁷.

Казалось бы, имущественные права женщины были шире имущественных прав мужчины. Но это не так. На деле чаще всего руководствовались обычным правом, по которому общесемейное имущество при разделах семьи целиком переходило к сыновьям с обязательством выдать сестер замуж и выделить им приданое. Женщинам же доставалось только их личное имущество, а общесемейное – лишь при отсутствии мужчин¹⁸. То же предписывалось судебником Вахтанга VI. Судебник Мхитара Гоша предоставлял дочери половинную долю по сравнению с долей сыновей, но на практике эта норма не соблюдалась. Армянский судебник допускал, чтобы при семейных разделах дочери получали половинную долю общесемейного имущества, но на практике следование этой норме воспринималось как позор для мужчин и наглость со стороны женщин. Несколько иначе обстояло дело у мусульманских народов, особенно тех, у кого ислам утвердился в давние времена – азербайджанцев и большей части дагестанцев. Шариат предоставил женщине пусть далеко не полные, но все определенные имущественные права, и они, хотя и нередко оспаривались мужчинами с позиций обычного права, в какой-то мере оказывались действенными. Скажем, у азербайджанцев дочери беспрепятственно получали положенную им долю движимого общесемейного имущества, реализовать же свое право на наследование земли им не удавалось. Бывало, что обделяемые в своих правах женщины (а чаще их родня) предъявляли судебные иски, настаивая на разделе наследства не на основании адатов,

а по правилам шариата или даже по российским законам. Но суды не всегда шли им навстречу. Нередко они предлагали сторонам самим договориться о том или другом, в том числе и компромиссном, принципе наследования¹⁹.

Немногим лучше обстояло дело с личным имуществом женщины. Хотя как у христианских, так и у мусульманских народов и обычное право, и грузинско-армянские законы, и шариат видели в приданом личную собственность женщины, житейская практика по большей части расходилась с юридическими предписаниями. Скажем, домашнее убранство и утварь фактически поступали в общесемейное пользование, и из этой составной части приданого женщине реально принадлежала только ее одежда. Нередко семья стремилась расширить общесемейную собственность и за счет принадлежавшего невестке скота. Это достигалось разными способами: выкупом или безвозмездным отчуждением его у невестки, но чаще отчуждением приплода. Так, у грузин по законам Вахтанга VI мужчина, выпасавший скот, имел право на половину приплода, но на деле, например, у аджарцев или хевсуров он забирал себе весь приплод²⁰. У ногайцев старались под разными предлогами продать или истратить принадлежащий женщине скот, и даже существовала поговорка: «От скотины невестки прока не будет». Кое-где женщины противились этому, например, передавали свой скот родственникам или продавали его. Имелись способы блокирования права женщины на брачный выкуп. В одних случаях, когда он выдавался сразу, семья невесты могла истратить его на приданое; ежели выкуп только фиксировался в брачном договоре как долг мужа жене, этот долг, подобно многим другим, нелегко было получить.

В малых (нуклеарных) семьях христиан и мусульман имущественные права женщины заметно различались. Один из исследователей быта армян писал, что в таких семьях муж являлся полным собственником всего имущества, в том числе доли жены. Аналогично сообщение о хевсурах: все имущество в семье принадлежало исключительно мужу, жена же не имела на него никаких прав. У мусульман в малых семьях также наблюдалась тенденция к захвату всего достояния семьи мужем. В частности, при разводах в одних случаях женщине (или ее родне) часто приходилось требовать свое имущество через суд, в других – ее уговаривали добровольно отказаться от своих прав и добивались ее согласия. Все же освящение Кораном прав женщины на собственное имущество играло свою роль. Это видно на примере сравнительно недавно исламизированных ингушей, у которых – по сведениям Б.К. Далгата – приданое после развода согласно правилам шариата возвращалось жене, а не оставалось, как прежде, у мужа²¹.

Естественно, что такой порядок экономических отношений в семье определял более высокий статус мужчин. Главой семьи почти всегда был старший мужчина – отец или дед, а в больших семьях братского типа – старший из братьев. Женщина возглавляла семью редко. Как правило, это случалось тогда, когда семья после смерти отца грозил распад и только мать могла выступить в роли объединительницы. В такой семье мать пользовалась большим авторитетом и в известной мере руководила жизнью домочадцев, но ее власть над мужчинами была ограничена по сравнению с властью стоявшего во главе семьи мужчины. У нее имелся как бы соправитель – старший сын, который заменял ее в традиционно мужских областях руководства. В частности, не она, а он ведал мужскими работами, представлял семью перед сельской общиной и патронимией, властями предержащими, а также руководил отправлением общесемейных религиозных обрядов²².

Что касается малых семей, а если его не было, то по решению сельского общества назначалась опека кого-нибудь из родственников-мужчин. Бывало и так, что главой малой семьи считался подросток, даже мальчик. Лишь в крупных городах, как это бывало, например, у грузин и армян Тбилиси, малую семью иногда возглавляла вдова.

Все же старшая из женщин обладала в семье, особенно в большой, относительно высоким статусом. Считалось, что мужчине вмешиваться в женские дела неприлично.

Поэтому глава семьи передавал свою власть над женской частью дома старшей из женщин. Она распределяла женские работы, следила за поведением дочерей и невесток, наказывала провинившихся. Жаловаться на нее главе семьи было не принято (хотя и не исключено обычаями полностью). В то же время именно она была заступницей за всех других женщин и девушек перед мужчинами. В качестве главы женской части дома она пользовалась большим авторитетом также и у мужчин. Она была единственной из женщин, участвовавших в семейных советах, единственной, с чьим мнением в какой-то степени считался глава семьи.

Особое положение старшей из женщин в большой семье настолько бросается в глаза, что по данным осетин, армян, да и на общекавказском материале среди специалистов была развита идея, что оно восходит к матриархальным порядкам. Но, во-первых, как давно установлено наукой, таких порядков никогда не было, во-вторых, это ее положение хорошо объясняется реальностями патриархального времени. Из-за жесткого межполового разделения труда глава дома должен был предоставить большую степень автономии его хозяйке. Вместе с тем в деятельности женщин нужны были не только рядовые исполнительницы, но и руководительницы, а следовательно, организация труда в семье требовала, чтобы над младшими была поставлена старшая женщина. Необходима была она и для того, чтобы надзирать за девушками и женщинами в повседневном быту. Сюда добавлялись психологические соображения: старшая женщина, как правило, была женой главы семьи, матерью его сыновей и поэтому не могла не иметь особого относительно высокого статуса. Не могла она также не цениться как хранительница домашнего очага, семейных и этнических традиций²³.

Все это в той или иной степени относится к статусу и всех других женщин. И все же статусы их, как правило, были намного ниже. В общем виде они определялись четырьмя правилами. Одно из них ставило женщин как таковых ниже мужчин как таковых. Статус сестры всегда был ниже статуса уже вышедшего из детского возраста брата. Так, например, у осетин и ингушей, по сообщению автора конца XIX в., «...девушка в семье обязана обслуживать и подчиняться всем своим братьям, хотя бы она была старше некоторых из них годами, за исключением братьев моложе двенадцати лет»²⁴. Второе правило ставило статус коренного члена семьи выше статуса того, кто пришел в дом. Старшая женщина была исключением, что же касается других взятых в семью женщин, то именно это правило определяло их низовое положение в доме. По словам того же автора, невестка должна была подчиняться сестре мужа, его племяннице, внучке. Третье правило устанавливало возрастное соподчинение женщин, в частности старших и младших сестер, старших и младших невесток. В результате старшая из невесток все же пользовалась определенными привилегиями (обычно она была помощницей свекрови), а младшая занимала в семье самое низкое положение. И наконец, имелось еще одно правило, регулировавшее старшинство не биологическое, а названное нами в свое время «позиционным»²⁵. Жена старшего брата считалась «старше» жены младшего брата независимо от их истинного возраста. Таким образом, иерархия в семье была не всегда четкой, ее принципы порой накладывались друг на друга.

Считаясь иждивенкой и будучи неполноправной в семье, кавказская женщина тем более не имела равных с мужчиной статусов в общественной жизни. Ни у одного из народов Кавказа не бывало женщины во главе сельского общества или родственной группы. Жена главы патронимии верховодила над женщинами этого объединения, но ее авторитет был лишь отражением авторитета мужа. Тем более не могли женщины вести судопроизводство или руководить такой культовой деятельностью, которая была общей как для женщин, так и для мужчин. Поэтому можно говорить о более или менее высоких общественных статусах не женщин вообще, а отдельных личностей, выделявшихся своим социальным положением или индивидуальными качествами.

Так, у абхазов, адыгов, осетин, ряда народов Дагестана и этнотерриториальных групп грузин жена владетельного князя или дворянина-помещика в его отсутствие

нередко заменяла его, присутствуя и выступая в народном собрании или в суде. Вдовствующая княгиня или дворянка-землевладелица не только присутствовала на сельских сходах и имела там право голоса (подчас решающего), но и участвовала в собраниях старейшин. Можно сказать, что такая женщина управляла или принимала участие в управлении сельской общиной. У абхазов характерным признаком ее общественного веса было стремление многих семей вступить с ней в искусственное родство; добивались этого обычным здесь способом – ее удочерением. Ясно, однако, что такое положение основывалось не на народных традициях, а на понятиях феодального общества.

Значительным общественным весом пользовались также знахарки, гадалки и прорицательницы. Знахарки были хорошо знакомы со свойствами лечебных трав, владели тайнами заговоров, передаваемыми из поколения в поколение, совершали искупительные жертвоприношения. Гадалки и прорицательницы занимались одним и тем же делом, но последние считались намного выше рангом. Они предсказывали исход событий, якобы вопрошая об этом неземные силы и, подобно знахаркам, лечили болезни. Для этого они в одних случаях применяли шаманские приемы – приводили себя в экстаз, во время которого выкрикивали имя и требования разгневанного божества, в других – делали вид, что шепчутся с божеством, задавая вопросы и прислушиваясь к ответам. С ними советовались старики, их мнение учитывалось на общественных сходах и при судебных разбирательствах. У некоторых народов Кавказа их влияние было настолько значительным, что с ними, как и с представительницами высших сословий, стремились установить отношения искусственного родства. В то же время показательно, что по представлениям, например, абхазов свой дар посредничества между людьми и богами первая прорицательница получила от мужчины. Поэтому во время прорицания ее называли мужским именем и обращались к ней как к мужчине²⁶.

В литературе имеются упоминания об особом общественном весе женщин, известных своей мудростью. Они могли присутствовать на мужских сходах. Нам в нашей полевой работе на Северном Кавказе и в Абхазии такие сведения не поступали.

Сторонники высокого общественного статуса кавказских женщин ссылаются на некоторые обычаи, распространенные у многих народов региона. Таких обычаев выделяют по большей части четыре.

Первый из них связан с кровомщением. Женщины не только часто были причиной кровной мести (из-за нанесенной им обиды, соблазнения, похищения их и т.п.), но и энергично ее поддерживали. Они всячески выказывали свое презрение к мужчинам, не торопившимся выполнить священный долг мести. Сами женщины, как правило, мести не подлежали и не мстили, но если не оставалось родственников-мужчин (по крайней мере из установленного адатами круга мстителей), то по согласованию с сельским обществом могли мстить. Нетрудно заметить, что женщина оказывалась не столько активно действующим лицом, сколько виновницей или подстрекательницей действий мужчин.

Второй обычай – искусственное породнение. Его основными (хотя и далеко не единственными) способами были установление молочного квазиродства прикосновением губами к груди (соску) женщины, реже протягивание усыновляемого под рубахой женщины-усыновительницы. Здесь опять-таки женщина выступала не как активный участник, а как инструмент общественных действий мужчин.

Был распространен также обычай, по которому замужняя женщина могла, сбросив головной платок, притронувшись к нему или же только пригрозив сделать это, прекратить мужское злословие, ссору или даже кровопролитие. Первоначальный смысл этой древней традиции, вероятно, коренится в боязни непокрытых волос чужеродки. В первобытности было широко распространено представление, что волосы –местилище магической силы (ср. библейскую легенду о Самсоне, ношение париков ортодоксальными иудейками, бритье головы мусульманами, да и само обязательное покрытие головы замужней женщины у широкого круга народов). Впоследствии смысл

обычая был забыт, и возникла его новая мотивировка: уважение к платку женщины и матери (в особенности престарелой или знатной). Здесь женщина выступает более активно, но первоначально лишь как возможный источник бедствия и только затем, после переосмысления традиции – как общественно значимая личность.

И наконец, существовал обычай (например, у адыгов), по которому преследуемый мужчина мог избежать настигшей его погони, укрывшись в женской половине дома. Обычно его трактуют как проявление особого уважения к женщине, но эта трактовка далеко не бесспорна. Прибегали к нему только под угрозой неминуемой смерти, так как между мужчинами, особенно равного общественного положения, считалось постыдным искать защиты у женщины. Скорее здесь следует видеть запрет вступать в женское помещение дома, нарушаемый ради спасения жизни, но останавливающий преследователей. Если это так, то перед нами не высокий статус женщины, а одно из проявлений сегрегации полов. Таким образом, думается, что подавляющее большинство подобных обычаев свидетельствует не об общественном весе кавказских женщин, а об их определенной роли в общественном быту мужчин.

Другие свидетельства высоких семейных и общественных статусов женщины усматриваются в некоторых правилах межполового этикета. У разных народов он был не одинаков, но у многих из них в общих чертах сходен. Здесь действовали законы как конвергенции, так и сродства, а в некоторых случаях и генетического родства (все адыгские народы; карачаевцы и балкарцы; чеченцы и ингуши). Правила этикета требовали, чтобы мужчины выказывали женщинам знаки внимания и уважения. Оскорбить женщину без очень веских на то причин считалось позором. Это могло повлечь за собой наказание со стороны односельчан и кровную месть ее родни. Со всеми женщинами семьи, включая самых младших, полагалось обращаться без грубости и развязности, как мы сказали бы сейчас, корректно. К примеру, у осетин и абхазов, когда невестка входила в комнату, даже старшие мужчины приподнимались.

Еще больше уважения у многих народов региона оказывалось женщине в общественных местах. Дело здесь не ограничивалось тем, что мужчины приподнимались или вставали при появлении женщин. У адыгов всадник при встрече с женщиной должен был спешиться и проводить ее, у осетин – спешиться и ждать, пока она не пройдет, у абхазов – даже уступить ей свою лошадь. Идти или ехать верхом рядом с женщиной надо было, уступая ей почетную сторону (правую или левую в зависимости от принятых в данной местности обычаев). Повстречавшейся на пути женщине погалось помочь, например, поднести ей тяжелую ношу, а в случае нужды защитить ее. При женщине не полагалось браниться, ссориться, драться, подчас даже бить плетью лошадь, ослу или вола. Тем более неэтично было отказать женщине в просьбе²⁷. У народов с укоренившейся исламской традицией, например азербайджанцев и основной массы дагестанцев, нормы этикета были более суровыми: женщине полагалось идти позади мужчины, нести груз, в то время как он шел налегке, и т.д.

Можно ли, однако, на этом основании говорить о высоком семейном и общественном статусе женщины у ряда народов Кавказа? Чуть ли ее о не почитании? Думается, что ни в коем случае нельзя. Знаки уважения к старшим и даже младшим женщинам в семье говорят лишь об отсутствии их полной приниженности – такой, какая бы мешала им успешно выполнять свои семейные роли. К тому же правил семейного этикета, подчеркивавших главенство мужчин, было несравненно больше. Не мужчинам, а женщинам не разрешалось при представителях противоположного пола умываться, причесываться, надевать даже верхнее платье, до самой старости сидеть в их присутствии, участвовать в общем разговоре, пространно отвечать, когда к ним обращались. Не мужчине, а женщине не полагалось поворачиваться к представителю противоположного пола спиной, из-за чего, например, осетинская невестка выходила из комнаты пятясь.

Вот характерная ситуация. Грузинская невестка при появлении в комнате кого-нибудь из старших мужчин «... обязана точас встать со своего места, поцеловать им руки... словом, встречать, провожать и услуживать деверям и особенно свекру и

величать каждого, как это предписано обычаем»²⁸. Жена не садилась в присутствии мужа и не выражала при нем своего мнения. Она не ложилась спать до его прихода, когда бы он ни вернулся, не спрашивала, где он был, не смела упрекнуть за позднее возвращение. Сама она, напротив, была вправе отлучиться на сколько-нибудь значительное расстояние от дома только с разрешения мужа или свекрови, да и то лишь в сопровождении кого-нибудь из их родственников. Мы не касаемся здесь обычаев избегания, которые также в определенной мере объективно принижали женщину²⁹.

В общественном быту помощь женщине, ее защита были выражением не ее почитания, а отношения к ней как к более слабому существу, так же, как забота о ребенке не связана с его почитанием. Если мужчины при появлении женщины в публичных местах вставали, то ведь и женщины вставали при появлении мужчины: здесь перед нами демонстрация не одностороннего, а взаимного уважения полов. В то же время некоторые правила общественного этикета (спешивание всадника при встрече с женщиной, предоставление ей почетной стороны и т.п.), несомненно, представляют собой проявления рыцарской галантности, скорее всего, появившиеся с частичным распространением в широких слоях населения правил дворянского этикета (вертикальная ротация традиций)³⁰. Не случайно такие черты этикета – в первую очередь общественного – на Северном Кавказе были наиболее выражены у кабардинцев, в их «дворянском обычае» (*york habzэ*). Кабардинцы создали феодальное общество, более развитое, чем у других северокавказских народов, и оказали всестороннее влияние на соседей. На это обстоятельство в одной из своих последних работ правильно обращает внимание Б.Х. Бгажноков³¹. Вообще же здесь нет ничего специфически кавказского. Западноевропейский дворянин кичился своим «служением прекрасной даме», но наказывал жену, заточая ее в башню, а во время отлучек надевал на нее знаменитый «пояс целомудрия».

Все эти неоднозначные обстоятельства – причина того, что роли и статусы женщины в традиционных обществах народов Кавказа трактовались и продолжают трактоваться очень противоречиво. Возьмем, к примеру, адыгов. В первой половине прошлого века Ш.Б. Ногмов писал, что мужья считают жен совершенными рабынями, и в это же время Хан-Гирей отмечал, что черкесы отличаются величайшим уважением к женщине³². В наше время одни из местных исследователей говорят о характерном для кавказских горцев «культе мужчин», другие же – о «высоком статусе черкесской женщины в обществе» и ее «почитании»³³. В этнологии такой разброс мнений довольно обычен. Он объясняется и тем, что разные авторы обращают внимание на различные стороны жизни, и тем, что они нередко стоят на разных исходных позициях. Немалое значение имеет также относительность всяких оценок. Так, одни европейские путешественники рассматривали положение кавказской горянки как приниженное (сравнивая его с положением европейки), другие – как почетное (сравнивая его с положением турчанки или египтянки).

Попытавшись рассмотреть поставленный вопрос, мы приходим к выводу, что женщина в традиционных обществах народов Кавказа при более или менее активных хозяйственных ролях обладала невысоким семейным и еще более низким общественным статусом.

В то же время было бы упрощением решать вопрос, исходя только из трудовых, хозяйственных ролей женщины. Имеются и другие аспекты проблемы. В их числе один из наиболее значимых – роль женщины как продолжательницы рода. В горских обществах с ограниченным земледелием и отгонным скотоводством, с отсутствием исламских запретов на регулирование деторождения и соответственно невысоким приростом населения бытовое положение женщины было все же выше. В противоположность этому, в равнинных обществах с их более широким земледелием, оседлостью, феодализацией общества, раньше и глубже укоренившимся исламом (или христианством) и более высокой рождаемостью бытовое положение женщины снижалось. Новый виток осознания общественной ценности женщины начинается только с капиталистической урбанизацией и новым снижением рождаемости (так было,

например, в Грузии в конце XIX в.)³⁴. Рассмотрение вопроса под этим углом зрения позволяет нам не только обозначить исторические – временные – изменения, но и понять, почему в одно и то же время статусы женщин были столь неодинаковыми, например, у адыгейцев и азербайджанцев.

Применительно к пореформенному, а тем более к послеоктябрьскому времени уже нельзя говорить о традиционном положении женщины. Отметим все же, что даже в новых условиях некоторые его черты продолжали сохраняться и отчасти удерживаются до сих пор.

С развитием товарно-денежных отношений женщины стали намного шире втягиваться в общественное производство. Тем не менее они продолжали считаться иждивенками, лишь помогавшими мужчинам в их престижном труде. Показательно наблюдение западноадыгского писателя-просветителя А.-Г. Кешева в его рассказе «На холме»: по соседству с русскими селениями часть женщин неустанно работала, старалась выручить побольше денег и соответственно набиралась «разных либеральных идей». Однако главы семей тщательно скрывали свой «домашний позор» от односельчан³⁵. Интеллигенция народов Кавказа, в частности, осетинские, адыгские, абхазские просветители – писатели и журналисты – выражали негодование по поводу еще сохранявшихся патриархальных брачных обычаев: брачного выкупа в пользу родни невесты, похищения невест, женитьбы богатых стариков на молодых девушках. Уже начиная с 1860-х годов крестьянские сходы, отчасти побуждаемые к этому российской администрацией, безрезультатно принимали постановления о передаче выкупа самой невесте и устанавливали штрафы за похищение. Так было, в частности, у хевсуров и некоторых других горных грузин, у осетин, адыгов, ингушей³⁶. Женщина по-прежнему не участвовала в управлении и судопроизводстве (это, кстати сказать, запрещалось также и российскими законами).

В настоящее время, по нашим полевым данным, остатки традиционного неполноправия кавказской женщины дают себя знать преимущественно в семейном быту. Они сказываются в довольно строгом межполовом разделении работы по дому (многие мужчины продолжают считать для себя унизительной помощь жене в ее домашнем труде), но более всего в личных внутрисемейных отношениях. Женщина, как и прежде, лишь в редких случаях возглавляет полную семью, только немногие супруги принимают совместные решения. Статусы мужчин и женщин в семейном и родственном кругу, хотя и в ослабленном виде, но все еще иерархизированы. В своей значительной степени живы и правила традиционного этикета. Особенно они акцентируются в неповседневных, публичных ситуациях, когда женщины демонстративно выдвигают мужчин на первый план, подчеркивают их главенство. Впрочем, и мужчины в этих ситуациях намного заметнее, чем в стенах дома, демонстрируют свое уважение к женщинам³⁷.

Разумеется, роли и статусы кавказских женщин в наше время характеризуются далеко не только отмеченными выше ситуациями. Во многих отношениях даже в семейном быту женщины сравнялись с мужчинами. Но это уже другая тема, в настоящей статье мы остановили внимание лишь на традиционных обществах – докапиталистического периода.

Примечания

¹ Захаров Н. Домашний и социальный быт женщины у закавказских татар // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 5. Тифлис, 1894. С. 134; Лисицян С.Д. Очерки этнографии дореволюционной Армении // Кавказский этнографический сборник (далее – КЭС). Вып. I. М., 1955. С. 185 и сл.; Харадзе Р.Л. Грузинская семейная община. Т. 2. Тбилиси, 1961. С. 34–35; Агларов М.А. Очерк этнографии земледелия южного Дагестана // Дагестанский этнографический сборник. Вып. 1. Махачкала, 1974. С. 206 и др.

² Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М., 1974. С. 119, 243 и сл.

³ Одна из последних сводок: Анчабадзе Ю.Д. Прекрасный обычай гостеприимства // Сов. этнография. 1985. № 6.

- ⁴ Подробнее об этом см.: *Смирнова Я.С.* Положение «старшей» женщины у народов Кавказа и его историческое истолкование // КЭС. Вып. VIII. М., 1984.
- ⁵ *Гаджиева С.Ш.* Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX – начало XX в. М., 1979. С. 37.
- ⁶ *Нарты.* Адыгский народный эпос. М., 1974. С. 196.
- ⁷ *Нарты.* Кабардинский эпос. М., 1957. С. 338.
- ⁸ *Пфаф В.* Этнологические исследования об осетинах // Сб. сведений о Кавказе. Т.2. Тифлис, 1872. С. 140; *Акопян М.В.* Сельская община в восточной Армении во второй половине XIX – начале XX в. Ереван, 1988. С. 79; *Агларов М.А.* Община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988. С. 172; *В.Ч.* Абхазская женщина // Кавказ. 1885. № 62.
- ⁹ См., например, о дагестанцах: Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899. С. 131, 154, 194, 269.
- ¹⁰ *Инал-Ипа Ш.Д.* Абхазы. Сухуми, 1960. С. 342.
- ¹¹ *Смирнова Я.С.* Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (XIX–XX вв.) // КЭС. Вып. I. С. 146 и сл.; *Бабиц И.Л.* Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М., 1955. С. 47 сл.
- ¹² *Савинов В.* Достоверные рассказы об Абазии // Пантеон. Т. 2. Кн. 3. СПб., 1850. С. 4; *Хетагуров К.* Особа // Собр. соч. в пяти томах. Т. 4. М., 1960. С. 338; *Мафедзев С.Х.* Обряды и обрядовые игры адыгов. Нальчик, 1979. С. 93.
- ¹³ Цит. по: *Гаджиева С.Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М., 1985. С. 145–146.
- ¹⁴ Цит. по: *Карпетян Э.Т.* Выкуп в свадебных обрядах армян и его социально-экономические корни. Ереван, 1950. С. 36–37.
- ¹⁵ *Смирнова Я.С.* К типологии обычаев умыкания // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 266–267.
- ¹⁶ *Далгат Б.* Материалы по обычному праву ингушей // Изв. Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 2-3. Владикавказ, 1930. С. 337–338.
- ¹⁷ *Смирнова Я.С., Тер-Саркисянц А.Е.* Семья и семейный быт. Ч. I. Формирование, тип и структура. М., 1995.
- ¹⁸ См., например, у грузин: *Ткешелев М.* Исследования по грузинскому праву. Вып. 1. Семейственное право. М., 1892. С. 41.
- ¹⁹ Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. Нальчик, 1956. С. 346.
- ²⁰ *Волкова Н.Г., Джавахишвили Г.Н.* Бытовая культура Грузии XIX–XX веков: традиции и инновации. М., 1982. С. 104–105.
- ²¹ *Далгат Б.* Указ. раб. С. 338.
- ²² *Карпетян Э.Т.* Армянская семейная община. Ереван, 1958. С. 127; *Гаджиева С.Ш.* Указ. раб. С. 73 и др.
- ²³ *Смирнова Я.С.* Положение «старшей» женщины...
- ²⁴ *Борисевич К.-И.* Черты нравов православных осетин и ингушей Северного Кавказа // Этнограф. обозрение. 1899. Кн. 1–2. С. 243.
- ²⁵ См., например, об абхазах: *Смирнова Я.С.* Семейный быт... С. 153.
- ²⁶ Там же. С. 150.
- ²⁷ Отдельные сведения и целые разделы о межполовом этикете на Кавказе присутствуют во множестве статей и книг. Особо отметим монографии: *Бгажноков Б.Х.* Адыгский этикет. Нальчик, 1978; *Инал-Ипа Ш.Д.* Очерки об абхазском этикете. Сухуми, 1984.
- ²⁸ *Андроников Л.Д.* Описание третьего Урвельского полицейского участка Ахалцихского уезда Тифлиской губернии // Записки Кавказского отдела Имп. русского географического общества. Т. 16. Тбилиси, 1884. С. 225.
- ²⁹ О функциях избегания см.: *Смирнова Я.С.* Избегание и процесс его отмирания у народов Северного Кавказа // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978. С. 134; *Чаганова Г.Я.* Избегание и социальная ценность человека // Быт и культура юго-западной Грузии. Тбилиси, 1984. (На груз. яз., резюме – на русск. яз.).
- ³⁰ *Арутюнов С.А.* Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 186 и сл.
- ³¹ *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. С. 93.
- ³² *Ногмов Ш.Б.* История Адыгейского народа. Нальчик, 1947. С. 50; *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 292–293.
- ³³ *Чомаев К.И.* Дореволюционные черты этнической психологии горских народов Северного Кавказа // Вопросы национальной психологии. Черкесск, 1972; *Кушхов Х.С.* Замечательная книга о Кавказе // Лапинский Т. Народы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 14.
- ³⁴ Рассмотрение вопроса в этом плане любезно подсказано нам С.А. Арутюновым, и в одной из последующих работ мы намерены вернуться к нему обстоятельно.
- ³⁵ *Кеишев А.-Г.* На холме // Избр. произведения. Нальчик, 1976. С. 249.

³⁶ См., например: Северный Кавказ. 1902. № 2; Терские ведомости. 1879. № 50.

³⁷ Подробнее см.: *Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX–XX в. М., 1983; *Смирнова Я.С., Тер-Саркисянц А.Е.* Указ. раб.

Ya.S. S m i r n o v a. Roles and Statuses of Women in Traditional Societies of Caucasian People

The roles of women were different in the various of traditional societies of the Caucasian people. The women had lower status then the men in Property and Domestic law, in society and at home, in ethics including the shan tradition.

© 1997 г., ЭО, № 4

С.В. Гусев

АРХЕОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОР АЗИАТСКИХ ЭСКИМОСОВ*

Фольклор азиатских эскимосов до настоящего времени слабо используется в реконструкции их материальной и духовной культуры. А между тем он предоставляет возможность для восстановления существовавшей структуры поселений, их размещения, устройства жилищ, технологии производственных процессов, определения функциональной принадлежности орудий труда, выявления сакральной принадлежности различных предметов, изучения природопользования.

Эскимосские культуры известны на Евразийском материке от устья р. Колымы на побережье Северного Ледовитого океана до устья р. Анадырь на побережье Тихого океана. На американском континенте эти культуры прослеживаются от Лабрадора до Гренландии и Аляски. В американской и российской историографии существуют различные точки зрения на периодизацию этих культур¹. До сих пор нет общей картины заселения побережья Берингова пролива, этногенеза в этом регионе, не прослежена эволюция материальной культуры и природопользования. До настоящего времени основное внимание российские археологи уделяли эскимосским могильникам (Эквенский, Уэленский, Чинийский, Энмынытнынский)². Это объясняется, видимо, исключительным богатством найденного в могильниках костяного инвентаря, возможностью вести работы над слоем вечной мерзлоты (все погребения расположены над мерзлотой), а также получением антропологического материала, ценного для реконструкций³.

На территории Аляски археологами исследовались главным образом поселения эскимосов (заметим, что американцами также изучались могильники – Ипиутакский и Тигара). Здесь раскопаны десятки эскимосских поселений разных периодов⁴. Были изучены эволюция жилищ и их связь с демографическими и социальными процессами⁵. Эти исследования послужили основой для палеоэкономических, хронологических, этнических и палеогеографических реконструкций⁶. Однако эти интереснейшие обобщения слабо сопоставимы с материалами азиатского побережья Берингова пролива из-за разницы в характеристике источников.

Археологические реконструкции, основанные на материалах могильников, имеют ряд особенностей, которые не раз отмечались в научной литературе⁷. Несомненно,

* Работа выполнена в рамках научного проекта «Культуры морских зверобоев Берингова пролива» (№ 96-01-00454. РФНФ).